

КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛОГИКИ И ЛИНГВИСТИКИ: СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СИНТЕЗА

В. Ю. КОСТЮЧЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечено, что модальные категории в логике и языкознании сопоставимы: категориям, выработанным в логике (значениям логической модальности), соответствует определенный состав языковых средств (грамматических и лексических). Показано, что пять крупных категорий модальной логики (познавательная, деонтическая, аксиологическая, телеологическая и метаязыковая модальность), которые коррелируют с предлагаемой систематизацией лингвистических разрядов модальных значений, различаются по своей лексической манифестации. Утверждается, что телеологическая модальность представлена в виде модально маркированных речевых актов и иллокутивных глаголов, называющих речевые акты. Выделены две подгруппы познавательной модальности: эпистемическая и алетическая модальность (первая выражается предикатами со значением мышления, знания, предположения, вторая – вводными (модальными) словами со значением уверенности, предположения, допущения, сомнения). Указано, что деонтическая модальность представлена словами с семантикой ‘можно’, ‘нельзя’, ‘надо’, ‘обязан’, ‘разрешено’, ‘запрещено’. Аксиологическая модальность выражается оценочными прилагательными и наречиями, вводными словами и оборотами, глаголами и предикатами, передающими эмоции и чувства, основанные на положительной или отрицательной оценке объекта. Метаязыковая модальность выражается особым классом вводных слов и оборотов, а также глаголами комментирования. Предлагаемый подход позволяет систематизировать разноречивые и в неодинаковой степени подробные классификации модальных значений с более широкими позициями, способствует выработке определенной системы модальности.

Ключевые слова: модальность; модальные категории в логике и лингвистике; познавательная модальность; алетическая модальность; эпистемическая модальность; деонтическая модальность; аксиологическая модальность; телеологическая модальность; метаязыковая модальность; модальные значения.

КАТЭГОРЫЯ МАДАЛЬНАСЦІ З ПУНКТА ГЛЕДЖАННЯ ЛОГІКІ І ЛІНГВІСТЫКІ: ПАДАБЕНСТВА, АДРОЗНЕННІ І ПЕРСПЕКТЫВЫ СІНТЭЗУ

В. Ю. КАСЦЮЧЭНКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Адзначана, што мадальныя катэгорыі ў логіцы і мовазнаўстве супастаўляльныя: катэгорыям, выпрацаваным у логіцы (значэнні лагічнай мадальнасці), адпавядае пэўны склад моўных сродкаў (граматычных і лексічных). Паказана, што пяць буйных катэгорый мадальнай логікі (пазнавальная, дэантычная, аксіялагічная, тэлеалагічная

Образец цитирования:

Костюченко В.Ю. Категория модальности с точки зрения логики и лингвистики: сходства, различия и перспективы синтеза. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2018;3:71–82.

For citation:

Kastsichenka VY. Category of modality from the point of view of logic and linguistics: similarities, differences and prospects for synthesis. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;3:71–82 Russian.

Автор:

Виктория Юрьевна Костюченко – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. Б. Мечковская.

Author:

Viktoryia Y. Kastsichenka, postgraduate student at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology. vk-82@tut.by

і метамоўная мадальнасць), якія карэлююць з прапанаванай сістэматызацыяй лінгвістычных разрадаў мадальных значэнняў, адрозніваюцца па сваёй лексічнай маніфестацыі. Прапанаваны падыход дазваляе сістэматызаваць супярэчлівыя і ў рознай ступені падрабязныя класіфікацыі мадальных значэнняў з больш шырокіх пазіцый, спрыяе выпрацоўцы пэўнай сістэмы мадальнасці.

Ключавыя словы: мадальнасць; мадальныя катэгорыі ў логіцы і лінгвістыцы; пазнавальная мадальнасць; эпістэмічная мадальнасць; алетычная мадальнасць; дэантычная мадальнасць; аксіялагічная мадальнасць; тэлеалагічная мадальнасць; метамоўная мадальнасць.

CATEGORY OF MODALITY FROM THE POINT OF VIEW OF LOGIC AND LINGUISTICS: SIMILARITIES, DIFFERENCES AND PROSPECTS FOR SYNTHESIS

V. Y. KASTSIUCHENKA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Modal categories in logic and linguistics are comparable. Two aspects of the category of modality are correlated in such a way that a certain composition of language means (grammatical and lexical) corresponds to the categories developed in logic (meanings of modal logic). Thus, the five major categories of modal logic (cognitive modality, deontic modality, axiological modality, teleological and metalanguage modality) which correlate with the systematization of linguistic categories of modal meanings proposed in the article, differ in their lexical manifestation, namely, teleological modality is represented in two forms: modally marked speech acts; illocutionary verbs, which define speech acts. Cognitive modalities are divided into two subgroups: epistemic modality, which is expressed by predicates with the meaning of thinking, knowledge, assumption and alethic modality that is expressed by parenthetical words and phrases with the meaning of confidence, assumption, doubt. Deontic modality is represented by words with the semantics 'can', 'can not', 'must', 'allowed', 'prohibited'. The axiological modality is expressed by: evaluative adjectives and adverbs; parenthetical words and phrases; verbs and predicates expressing emotions and feelings based on positive or negative evaluation of the object. Metalanguage modality is expressed by a special class of parenthetical words and phrases, as well as verbs of commenting. The proposed approach allows to systematize contradictory and in various degree detailed classifications of modal meanings from a wider position, contributes to the development of a certain system of modality.

Key words: modality; modal categories in logic and linguistics; cognitive modality; alethic modality; epistemic modality; deontic modality; axiological modality; teleological modality; metalanguage modality; modal meanings.

1. Античные мыслители о модальности в жизни, познании и языке. Модальность (от лат. *modus* – мера, способ) – одна из базовых категорий языка, мышления и логики, выражающая то, каким, с точки зрения говорящего, является отношение содержания высказывания к действительности. В разных формах категория модальности присутствует в разных языках. Это положение на многие годы определило интерес к ней и способствовало ее многоаспектному изучению. Широта и разноплановость категории модальности связана с тем, насколько многолико она проявляется в нашей жизни. Когда люди планируют действия, строят догадки, высказывают предположения, отдают приказы и распоряжения, просят или советуют, выражают желания, упрекают, то делают как раз то, что имеет отношение к категории модальности. Она отражает различные взаимосвязи действий, событий и фактов к реальности: «Действия или события могут происходить в действительности; могут быть вероятны, возможны; некто может быть обязан (вынужден, должен) или может хотеть (желать, стремиться) осуществить действие или сделать так, чтобы действие осуществилось (попросить, приказать, вынудить, убедить, помочь, не препятствовать)» [1, с. 194].

Если обратиться к толкованиям лексемы «модальность» в общем словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова, логическое и лингвистическое определения предстанут как очень близкие, но с одним четким различием. Модальность в логике – это «категория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания»; модальность в лингвистике – это «грамматическая категория, выражающая формами наклонения глагола, интонацией, вводными словами и т. п. отношение говорящего к содержанию высказывания» [2, с. 550]. Назначение категории модальности одинаково как для языковедов, так и для логиков, однако для лингвистов важен состав языковых средств, выражающих модальные значения.

Проблематика модальной логики зародилась в глубокой древности. Впервые о модальности, т. е. о том, какими, с точки зрения говорящего, бывают отношения их речей к реальности, еще до Аристотеля писал Протагор из Абдеры, «виднейший, а может быть и первый софист» [3, с. 467]. Его сочинение «Наука спора» не сохранилось, но спустя семь веков Диоген Лаэртский в энциклопедическом своде «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (рубеж II и III вв. н. э.) указывал, что «Протагор первым разделил речь на четыре (вида): *просьба, вопрос, ответ, приказание* – и назвал их разветвлениями речей» [4, с. 33]. «Разветвления» Протагора с точки зрения современной лингвопрагматики соответствуют широким модальным классам речевых актов, которые различаются по цели, которую говорящий осуществляет, сообщая то или иное высказывание. Это положило начало лингвистической прагматике задолго до появления термина «прагматика» в семиотике Чарльза Пирса и до бурного развития исследований языкового общения в современной истории. Профессор Н. Б. Мечковская подчеркивает, что «в истории осмысления коммуникации и языка принципиально важна сама идея разнообразия и варьирования речи, наличия разных целей, способов, манер, стилей общения» [5, с. 71]. Таким образом, еще до того, как человек обратил внимание на лексику и грамматику языка, его заинтересовал сам процесс общения, возник вопрос о том, как при помощи речи выражаются разные коммуникативные намерения (иллокуции).

В теории познания и логике основы учения о модальности были заложены Аристотелем в его работах «Аналитики», «Метафизика», в трактате «Об истолковании имен». Термин «модальность» в этих работах не встречается, Аристотель использовал слово *ἑκκλίσις* 'склонность, наклонность' и связывал его с тем, насколько говорящий *склонен* считать свою мысль (например, вывод из силлогизма) достоверной. В латинско-русском словаре термин *modus* в своем 11-м значении определяется как 'наклонение' [6, с. 490]. Позже в александрийских греческих грамматиках (II в. до н. э.) и затем в римских латинских и последующих средневековых грамматиках аристотелевское обозначение познавательных модальностей словом *ἑκκλίσις* стало основой представлений о наклонениях глаголов, понимаемых как разные по отношению к реальности «наклоны» действия, о котором сообщается в речи. Первое определение глагольного наклонения отмечено в анонимной александрийской грамматике: «Наклонением называется форма слова, показывающая, каково душевное движение» [4, с. 125] (ср. также близкую к нему дефиницию, построенную на внутренней форме определяемого термина: «Наклонение – душевное намерение, т. е. к чему наклонна душа» [4, с. 125]). В первой сохранившейся александрийской грамматике греческого языка Дионисия Фракийца (II в. до н. э.) категория глагольного наклонения не определяется, но зато дан перечень наклонений, вполне сопоставимый с современной лингвистической терминологией: «Наклонений пять – изъявительное, повелительное, желательное, подчинительное, неопределенное» [4, с. 125].

Аристотель выделял такие модальные значения, как «необходимо», «возможно», «невозможно», «случайно». Согласно подходу Аристотеля, «всякая посылка есть или посылка о том, что присуще; или о том, что необходимо присуще, или о том, что возможно присуще; и из этих суждений в зависимости от того, приписывается ли что-либо в них или не приписывается, одни утвердительные, другие отрицательные; и далее, из утвердительных и отрицательных одни – общие, другие – частные, третьи – неопределенные» [7, с. 11]. Аристотель выделял аподиктические суждения (от греч. *apodeikticos* – доказательный, убедительный) – это безусловно достоверные, неопровержимые суждения, основанные на необходимости, и суждения диалектические, т. е. не исключающие возможности, противоположной тому, что в них утверждается, истинность которых устанавливается путем размышления и рассуждения, т. е., по Аристотелю, «диалектически». В современной теории познания противопоставление двух логических «наклонений» Аристотеля соответствует базовой оппозиции достоверного (доказанного) знания и предположения (допущения, гипотезы), а также коррелируют с эпистемическими и алетическими модальностями современной модальной логики. Таким образом, многие понятия современной логики берут свое начало в учениях античных и средневековых логиков: «Модальная логика – одно из направлений современной неклассической логики, в котором исследуются высказывания с такими функторами, как “необходимо” и “возможно” и др.» [8, с. 358]. Более широкий подход к категории модальности представлен в работах А. А. Ивина: «Модальность – оценка связи, устанавливаемой в высказывании, данная с той или иной точки зрения» [9, с. 516]. Модальная конкретизация осуществляется чаще всего путем использования понятий «необходимо», «возможно», «доказуемо», «опровержимо», «обязательно», «разрешено», «хорошо», «плохо» [9, с. 516]. В настоящее время модальная логика, ставшая с середины XX в. университетской дисциплиной, продолжает развиваться и обогащаться новыми модальными значениями и категориями: «В последние десятилетия модальная логика бурно разрастается, включая в свою орбиту все новые группы модальных понятий. Существенно усовершенствованы способы ее обоснования. Это придало модальной логике новый динамизм и поставило ее в центр современных логических исследований» [9, с. 516].

Состав и группировка видов модальности в разных логических работах варьируются. Как отмечали авторы «Словаря по логике», «из разнообразных возможных типов модальных оценок она (модальная логика. – В. К.) выбирает немногие, наиболее интересные» [10, с. 205]. В данной статье рассматриваются те виды модальности, которые регулярно присутствуют в повседневном общении: познавательная (алетическая и эпистемическая), деонтическая, аксиологическая, метаязыковая, телеологическая модальность.

2. Модальные значения в языке: множественность лингвистических классификаций и поиски объединяющих концепций. Под влиянием трудов Аристотеля в XIII–XIV вв. возникло направление, представители которого известны как модисты. Их важной заслугой является выделение диктума и модуса, т. е. объективной константы высказывания и его субъективной переменной: модисты «увидели, что в высказывании есть два содержательных плана – “сказанное” (лат. *dictum*), т. е. объективное содержание, которое относится к реальности непосредственно, и “отношение говорящего к сказанному” (лат. *modus* – ‘способ (отношения)’), т. е. субъективно-оценочный компонент содержания» [5, с. 137]. Различение диктума и модуса в логике схоластов оказало глубокое влияние на развитие логической и лингвистической мысли. Эти же термины в начале XX в. использовал для объяснения своей концепции Ш. Балли, развивая тем самым идеи модистов. Он писал о двух составляющих плана содержания высказывания: диктуме (предметно-информационная составляющая) и модусе (субъективно-эмоциональная составляющая), т. е. противопоставлял фактическое содержание и индивидуальную оценку излагаемых фактов. В модусе Ш. Балли видел «душу предложения», его «главную часть», «без которой вообще не может быть предложения» [11, с. 44]. В британской аналитической философии противопоставление диктума и модуса выражается терминами «пропозиция» и «пропозициональная установка». С ними связано и введенное А. Вежбицкой в концептуальный аппарат семантики понятие модальной рамки. Концепция Ш. Балли об обязательном соединении в высказывании объективных и субъективных элементов смысла представлена и в формуле Ч. Филлмора: *предложение* = *модальность* + *пропозиция* [11, с. 404].

В советском языкознании внимание к когнитивным и прагматическим аспектам модальности привело к постановке вопросов об универсальности категорий мышления и их соответствиях в языках мира (исследования И. И. Мещанинова 1940-х гг. о распространенных в языках мира грамматических значениях, которые вслед за О. Есперсеном советский ученый называл «понятийные категории»). По мнению И. И. Мещанинова, модальность относится к понятийным категориям, которые прослеживаются в самом языке (в его лексике, морфологии и синтаксисе), выражая мышление (сознание) людей и образуя определенную систему: «Всякое понятие, существующее в сознании человека, может быть передано средствами языка. Оно может быть выражено описательно, может быть передано семантикою отдельного слова, может в своей языковой передаче образовать в ней определенную систему. В последнем случае выступает понятийная категория. Она передается не через язык, а в самом языке» [13, с. 15]. Понятийные категории дают возможность проследить связь между языковым материалом и общим строем человеческого мышления. Эти категории выражаются при помощи различных языковых средств: они могут иметь грамматическое оформление или передаваться лексическими средствами, однако разница в формальной стороне не обязательно приведет к семантическим различиям. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» приводится следующее определение: «Понятийные категории в языкознании – смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемые в естественном языке разнообразными средствами» [14, с. 385]. Понятийный характер категории модальности во многом объясняет ее сложность и многоплановость. Таким образом, к середине XX в. появились работы о языковых категориях, которые меняют привычные границы между грамматическими разрядами и открывают связи между явлениями, принадлежащими разным языковым уровням. Пересматриваются принципы выделения базовых грамматических и синтаксических категорий.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. В. В. Виноградов в ряде работ показал функциональную общность четырех разноуровневых классов языковых явлений, объединенных своим модальным назначением: это, во-первых, грамматическая категория глагольного наклонения (впервые ее выделили еще александрийские грамматики); во-вторых, лексический класс так называемых вводных слов (это название отражает их синтаксическое своеобразие: они не являются членами предложения), объединенных своим модальным назначением (отсюда их второе название – «модальные слова»); в-третьих, слова категории состояния, выражающие возможность, необходимость действия или эмоциональное отношение к действию или объекту; в-четвертых, «частицы речи» (*дескать, мол, только, же*) – «полуслова», которые грамматики долгое время вообще «не хотели замечать» и не считали «полноценной» частью речи, пока не увидели их высокую частотность в живой речи и обязательную модально-эмоциональную нагруженность [15].

Трактовка модальности в современном языкознании необычайно широка, объем этого понятия и охват им языковых явлений не совпадают в концепциях разных авторов. В «Грамматике современного русского литературного языка» (1970) модальность представлена обширным классом разнообразных и разноуровневых средств выражения модальных значений (интонация, словопорядок, частицы, модальные слова, междометия, повторы, фразеологизированные предложения). Все эти модальные классы объединяет значение усиления (подчеркивания, акцентирования), экспрессивной оценки, уверенности или сомнения. В «Русской грамматике» (1980) категория модальности представлена более детально: в издании подробно описаны лексемы с семантикой желания, долженствования, необходимости или вынужденности, готовности, выражаемые посредством предикативов и кратких прилагательных, рассматривается вопрос об отнесенности значений утверждения/отрицания к категории модальности, проводится анализ модальных значений вопросительных высказываний. Особое внимание в издании уделяется оценочным высказываниям, которые делятся на оценочно-характеризующие и собственно-оценочные [16, с. 214–216]. Таким образом, в грамматике приводится подробное описание средств выражения модальных значений, однако эта классификация является максимально обобщенной. Еще больше варьируются количество и состав модальных значений, выделяемых исследователями модальности как в грамматике, так и в лексике. Количество семантических разрядов вводных слов в разных грамматиках различно: в работе В. В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове» выделены 12 основных разрядов слов и частиц [15, с. 603–607]; в «Русской грамматике» (1980) среди «субъективно-модальных значений, выражаемых вводными словами, вводными сочетаниями слов и вводными предложениями» Н. Ю. Шведова указала семь «обобщенных значений» [16, с. 229–230].

Согласно концепции модальности, разработанной в исследованиях по функциональной грамматике представителями ленинградской (петербургской) школы А. В. Бондарко, в поле категории модальности входят следующие модальные значения: 1) оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности/нереальности, выражаемая при помощи форм наклонения и времени глагола; 2) оценка обозначаемой в высказывании ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости или желательности, выражаемая модальными глаголами и другими модальными словами; 3) оценка говорящим степени уверенности в достоверности сообщаемого; 4) значения, по которым дифференцируются различные виды коммуникации, т. е. сообщение, вопрос и побуждение; 5) утверждение и отрицание, по которым дифференцируются утвердительные и отрицательные предложения; 6) эмоциональное отношение говорящего к содержанию сообщения [17, с. 67–68]. Многие ученые не разделяют такое широкое понимание модальности. В частности, В. З. Панфилов писал, что эти разноплановые явления не могут быть объединены в пределах одной языковой категории: «Коммуникативная установка говорящего, его эмоциональное отношение к содержанию высказывания и субъективная модальность, хотя и могут быть отнесены к актуализирующим компонентам высказывания, однако их языковая природа и их роль в конституировании структуры предложения настолько различны, что объединять их в пределах одной грамматической или лексико-грамматической категории модальности не представляется возможным» [18, с. 47–48].

Внутри представленной классификации также нет однозначности. Отношение к категории оценочности разных лингвистов принципиально различается. Некоторые языковеды видят в ней семантическую основу модальности, так как соотнесение содержания с действительностью само по себе является оценкой этой действительности. Так, М. В. Ляпон отмечал, что «субъективно-оценочная основа категории модальности обязывает учитывать эмоциональный элемент в отношении субъекта к информации» [19, с. 232]. Сужая в некотором смысле значимость оценочности для категории модальности, А. В. Бондарко подчеркивает, что нельзя исключать оценочность при рассмотрении модальности, однако целесообразно рассматривать ее как особую семантико-прагматическую сферу, т. е. речь может идти лишь о периферии модальности [17]. Не включает оценочные модальные значения в область модальности А. Б. Шапиро: «Ничего общего со средствами выражения модальности в предложении не имеют те языковые средства, при помощи которых выражаются эмоции говорящего, а также экспрессивная окраска высказываний» [20, с. 26]. Значение утверждения/отрицания также не относится к числу модальных многими исследователями. Например, Б. А. Плотников утверждал, что явление утверждения/отрицания имеет область пересечения с модальным аспектом реальности/ирреальности, но его отнесение «к сфере модальности нельзя считать общепризнанным, поскольку оно находится как бы в другой плоскости, в ином измерении по отношению к позиции говорящего, которое и создает смысловое ядро рассматриваемой языковой категории» [21, с. 31]. Сложность классификации модальных значений состоит в том, что, выделяемые по разноаспектным признакам, они частично пересекаются, так что возможны случаи, когда одно и то же значение (в зависимости от того, в каком аспекте оно рассматривается) в рамках одной работы включается в разные ряды.

Лингвист А. В. Зеленщиков предлагает модель модальности, которая представлена взаимодействием трех противопоставлений, каждое из которых выполняет свою семантическую функцию: а) дескриптивность (отражает уровень достоверности высказывания) / креативность (нечто подлежащее осуществлению, способное к реализации); б) реальность (мир интерпретации одновременно является действительным миром) / ирреальность (мир совпадает с каким-либо возможным миром, принадлежащим множеству миров) / виртуальность (действительный мир не включается в множество миров); в) возможность (представляет описываемое положение дел как одно из многих, не менее возможных положений дел) / необходимость (описываемое положение дел как единственное из всех возможных, как неизбежное следствие или результат сложившихся обстоятельств) [22, с. 117, 129–130, 140]. Однако в данном представлении границы модальности довольно размыты, нет однозначного понимания этих оппозиций, составляющих основу категории модальности.

В английском языкознании исследования данной категории не менее многочисленны и разноречивы, чем в русской лингвистической традиции. Состав модальных категорий в концепциях разных авторов варьируется от двух до семи классов. В книге П. Портнера (*Paul Portner*) «Модальность» (*Modality*, 2009) отмечено, что наиболее распространенными являются два подхода: а) противопоставление эпистемической (*epistemic*) и неэпистемической (*root*) модальности (к последней относятся все остальные категории модальности); б) оппозиция трех категорий: эпистемической, деонтической (*deontic*) и динамической (*dynamic*) модальности, выражающей возможность [23, р. 136]. Сам П. Портнер полагает, что категория модальности представлена следующими классами: эпистемическая, деонтическая модальность, модальность желания, телеологическая, волевая (*volitional*) и квантификационная (*quantificational*) модальность (последние два класса выражают возможность) [23, р. 137]. Исследователи В. Абрахам и Э. Лайс (*Werner Abraham, Elisabeth Leiss*) выделяют сложные модальные модели (*complex patterns of modality*), которые еще не описаны в силу их сложности, и скрытую модальность (*covert modality*), к которой относятся бесспорно модальные категории (модальные глаголы, вводные слова и обороты) [24, р. 1–2]. Лингвист К. фон Финтель (*Kai von Fintel*) выделяет следующие модальные категории: алетическая (*alethic*), эпистемическая, деонтическая модальность, модальность желания (оптативная модальность (*bouletic modality*)), динамическая, телеологическая модальность [25, р. 21]. Исследователь В. Хаквард (*Valentine Hacquard*) предлагает классификацию, которая терминологически отличается от описанных выше, однако содержательно не выходит за их рамки: эпистемическая (*epistemic*), чисто деонтическая (*true deontic*) модальность, два модальных класса неэпистемической модальности, а именно модальность возможности (*ability*) и целеориентированная (*goal oriented*), или телеологическая, модальность [26].

Нет однозначного мнения среди лингвистов о количестве форм глагольного наклонения. Система наклонений английского языка, согласно подходу разных ученых, включает до 16 наклонений [27], при этом отдельные исследователи полностью отрицают существование данной категории [28]. Между этими крайностями существуют промежуточные взгляды, например, многие грамматисты придерживаются общепринятой в традиционной грамматике системы трех наклонений – изъявительного, повелительного и сослагательного. Профессор А. Смирницкий предложил систему из шести наклонений [29]. В работе Л. С. Бархударова «Очерки по морфологии современного английского языка» указано, что грамматическая категория наклонения «образуется противопоставлением двух категориальных форм – изъявительного наклонения и повелительного наклонения» [30, с. 134–135]. Теория речевых актов, разработанная Дж. Остином и Дж. Сёрлем во второй половине XX в., стала толчком для появления различных вариантов классификации речевых актов. Так, Дж. Сёрль выделил пять видов речевых актов исходя из их иллокутивной функции: репрезентативы (сообщения), директивы (побуждения), комиссивы (обещания), экспрессивы (выражение эмоционального состояния), декларативы (назначения). Лингвист Дж. Лич называл четыре разновидности иллокутивных актов, в то время как Д. Вундерлих – восемь, а В. В. Богданов – девять типов отличающихся по своей иллокуции речевых актов [31].

Многие исследователи языка обращают внимание на понятийный характер модальности. Аналогом понятийным категориям языка в учении А. В. Бондарко выступают «функциональные категории». Каждая из модальных категорий может быть представлена как функционально-семантическое поле (семантическое или семантико-прагматическое содержание, рассматриваемое в единстве со средствами его формального выражения в данном языке). Ученый выделяет следующие поля: 1) возможность; 2) необходимость; 3) достоверность; 4) оптативность; 5) повелительность. С этой точки зрения модальность может трактоваться как комплекс функционально-семантических полей с указанным содержанием. Соответственно, в рамках каждого модального поля могут анализироваться определенные типовые категориальные (модальные) ситуации – ситуации возможности, необходимости, оптативные, императивные ситуации и т. п. [17, с. 62]. Модальность понимается как группировка функцио-

нально-семантических полей, представляющих собой подсистемы модальных значений, выделяемых по разноаспектным признакам.

Таким образом, логика и язык объединяются в стремлении понять, как люди оценивают и характеризуют мысль и речь, знания и сообщения с точки зрения их достоверности, вероятности, надежности, реальности или нереальности, желательности, побудительности или долженствования. Многочисленные концепции категории модальности свидетельствуют о стремлении исследователей внести ясность в совокупность тех отношений, которые так или иначе связываются с понятием «модальность». Сложность и разноречивость концепций, путанность классификаций обусловлены стремлением охватить все новые факты, которые попадают в поле зрения, учесть новые оттенки, и это вынуждает перестраивать классификации и бесконечно уточнять концепции. Подчеркивая такое положение дел, А. В. Бондарко пишет: «Речь идет о попытках более четко выделить разные подсистемы в рамках охватываемого обобщениями широкого круга бесспорно модальных или “проблематично модальных” явлений, определить иерархию этих подсистем и эксплицитно описать отношения между ними» [17, с. 65]. Из этого следует, что одним из основных вопросов в характеристике модальности является возможность определения общемодального инварианта.

3. Категории модальной логики и их языковые соответствия. Поскольку в вопросе классификации модальных значений и их носителей наблюдаются расхождения и столкновения разных точек зрения, требуется поиск путей систематизации этих разнообразных взглядов и представлений. В ходе исследования мы нашли соответствия между модальными категориями в логике и языке, представили основания для синтеза логического и языковедческого понимания модальности путем установления корреляции между категориями модальности логики и разрядами языковых средств, используемых для выражения категории логической модальности в речи.

3.1. Познавательная модальность (алетическая и эпистемическая) и средства ее языкового выражения. Алетическая (греч. *aletheia* – истина) модальность как одна из разновидностей познавательной модальности была выделена еще в Античности. Аристотель, рассматривая суждения вида «А необходимо принадлежит В», «С возможно принадлежит D», говорил об алетической модальности в терминах современной логики: «Алетическая модальность – характеристика высказывания, включающего такие модальные операторы, как “необходимо”, “возможно”, “невозможно”» [8, с. 32]. Эпистемическая (греч. *epistēme* – знание) модальность связана с учением И. Канта, который выделял твердое знание, предположение и веру. Современная логика также сохранила это противопоставление (бином, в некоторых случаях трином), что стало содержательной основой эпистемической модальности: «Можно выделить, в частности, эпистемические модальные понятия, относящиеся к доказуемости: “доказуемо”, “опровержимо”, “неразрешимо”. Еще одну подгруппу эпистемических модальных понятий составляют понятия, относящиеся к убеждению: “убежден”, “сомневается”, “отвергает”» [32, с. 77–78]. Таким образом, в современной модальной логике эпистемическая модальность исследует высказывания, содержащие разного рода теоретико-познавательные процессы. Эпистемическая модальность изучается эпистемической логикой, в которой модальный оператор интерпретируется содержательно как «известно, что», «знаю, что» [33, с. 450]. Фактически эпистемическая и алетическая модальность происходит из осознания ограниченности знаний говорящего субъекта. В современной модальной логике названные разновидности не всегда различаются, поэтому термины «эпистемическая модальность» и «алетическая модальность» иногда заменяют друг друга, некоторыми исследователями используется только один из них, но для лингвистов различия двух видов модальности вполне ощутимы, потому что они выражаются разными классами языковых средств. Эпистемическая модальность (рефлексия над познавательным модусом субъекта (по)знания, обозначения того или иного вида ментального состояния субъекта действия (подлежащего)) обычно сосредоточена в сказуемом, выраженном эпистемическими глаголами (*знаю, допускаю, верю; consider* ‘считать’, *guess* ‘предполагать’). Между тем алетическая модальность (оценка истинности высказывания) выражается преимущественно за пределами высказывания как синтаксически организованного целого с помощью вводных слов и предложений (*возможно, конечно, скорей всего; obviously* ‘очевидно’, *probably* ‘возможно’), а также в некоторых случаях модальными предикатами *может, должно быть* в русском языке и *can, may, might, must* в английском. Эпистемическая модальность в лингвистике была замечена только в XX в. Исследованию глаголов мыслительной (интеллектуальной) деятельности посвящены работы таких авторитетных ученых, как Ю. Д. Апресян (1999), Е. В. Падучева (2006), М. А. Дмитриевская (1988). Эпистемические глаголы рассматриваются в статье И. Б. Шатуновского «Эпистемические предикаты в русском языке (коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика)» (сборник научных статей «Логический анализ языка: знание и мнение», 1988), а также в книге Е. И. Беляевой «Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках» (1985), которая, однако, объединяет эпистемическую и алетическую модальность в один класс эпистемической модальности.

3.2. Деонтическая модальность. Языковые средства выражения модальных значений долга, возможности, разрешения. Деонтическая модальность (греч. *deon* – долг, правильность) характеризует действия с точки зрения определенной системы норм. Нормативный статус действия обычно выражается понятиями «обязательно», «запрещено», «разрешено» и «безразлично» и изучается нормативной логикой. Вопрос о логической природе норм имеет многовековую традицию. Он рассматривался Аристотелем, стоиками, средневековыми философами, Г. Лейбницем, Д. Юмом. Однако первая попытка построить формальную теорию нормативных понятий принадлежит Э. Малли («Элементы логики волеизъявлений», 1926), на философские установки которого оказал влияние английский философ и юрист И. Бентам (1748–1832). Именно И. Бентаму принадлежит термин «деонтология», обозначающий раздел этики, в котором рассматриваются проблемы долга и моральных требований («Деонтология, или наука о морали», 1834). Серьезный импульс исследованию норм был дан работами 1950-х гг. Г. Х. фон Вригта, А. А. Ивина. Деонтическая модальность в языке (характеристика действия с точки зрения определенной системы норм) выражается предикативами *надо, нужно, необходимо, можно, нельзя, должно, запрещено, разрешено, воспрещается, допускается; can* ‘могу’, *must* ‘должен’, *to forbid* ‘запрещать’, *to allow* ‘позволять’, *to permit* ‘разрешать, позволять’, *have to* ‘должен’, *ought to, should* ‘следовало, должен’, *need* ‘нужно, надо’; в русском языке она часто передается посредством безличных предложений.

3.3. Аксиологическая модальность в жизни и речи. Аксиологическая, или оценочная, модальность (греч. *axios* – ценный, *logos* – понятие, учение) – оценка содержания сообщения с точки зрения определенной системы ценностей. Исследование добра и зла (хорошего и плохого), психической природы человека присутствует в учениях Т. Гоббса (1588–1679), Дж. Локка (1632–1704), Дж. Юма (1711–1776). Наиболее полная классификация оценок была предложена Г. Х. фон Вригтом (1916–2003). Однако эта категория логики появилась только на рубеже 1860–70-х гг. В настоящее время логика оценок (аксиологическая модальность) является одним из разделов модальной логики, который изучает структуру различных видов оценки, выявляет и обосновывает моральную ценность тех или иных феноменов (поступков, намерений и пр.), из которых складывается человеческая деятельность, выражает одобрение или неодобрение этих феноменов. В любом оценочном суждении обозначен объект оценки и выражено (посредством слов со значением ‘добро’, ‘зло’, ‘хороший’, ‘плохой’, ‘правильный’, ‘неправильный’ и др.) позитивное или негативное отношение к этому объекту [37, с. 183]. Логическое исследование аксиологических понятий осуществляется логикой оценок, состоящей из логики абсолютных оценок (‘хорошо’, ‘плохо’) и логики сравнительных оценок (‘лучше’, ‘хуже’, ‘равноценно’, ‘предпочитается’). Аксиологические модальные понятия являются необходимыми структурными компонентами оценочных высказываний. Деонтическая модальность в логике часто выступает как частный случай аксиологической модальности. Нормативные понятия «обязательно», «разрешено» и «запрещено» могут быть определены через оценочные понятия (например, «обязательно» через «хорошо»), но в лингвистике эти две модальные категории представлены разными языковыми средствами. Аксиологическая модальность в языке выражается оценочными прилагательными и наречиями, предикатами, вводными словами и оборотами (хорошо, плохо, приятней, к счастью; *to my regret* ‘к моему сожалению’ и др.), а также глаголами, выражающими эмоции и чувства, основанные на положительной или отрицательной оценке объекта (*любить, нравиться, ненавидеть, скучать, надеяться, обожать, радоваться; like* ‘нравиться, любить’, *adore* ‘обожать’, *hate* ‘ненавидеть’). Лингвистический анализ аксиологических значений представлен в работах таких видных ученых, как Н. Д. Арутюнова («Язык и мир человека», 1999), Е. М. Вольф («Функциональная семантика оценки», 1988).

3.4. Модальные функции метаязыковых значений. Метаязык (греч. *metá* ‘после, через’) является одной из наиболее важных категорий современной логики. Однако данный термин возник в математической логике в конце XIX в.: его использовал в своих исследованиях известный логик и математик Г. Фреге. В теорию логического метаязыка ряд важных результатов внес Д. Гильберт, который различал математику и метаматерику (раздел математической логики, изучающий формализованные математические теории). Соответственно, металогика исследует логические принципы, на основе которых развивается логика. Понятие метаязыка сыграло выдающуюся роль в осмыслении социальных функций языка. Это было связано с открытием Р. Якобсоном метаязыковой функции речи (функция толкования, т. е. способности языка описывать самого себя) и ее органичности для коммуникативного акта [38].

Модально-метаязыковые значения в лингвистике выражаются посредством вводных слов, оборотов и частиц, а также при помощи глаголов комментирования. В первом случае они выполняют следующие функции: а) акцентирование, подчеркивание, желание привлечь внимание собеседника (*знаете, понимаете, в принципе; I mean* ‘я имею в виду’, *mainly* ‘главным образом’); б) отношение к стилю, манере речи, характеру и способу изложения (*мягко выражаясь, честно говоря; frankly speaking* ‘откровенно

говоря'); в) указание на источник информации (сообщения), ссылка на чужую речь (*как говорят, по мнению кого-нибудь; to my mind, to me* 'по-моему'); г) характеристика места высказывания (сообщения) в строе текста (*следовательно, таким образом; to begin with* 'во-первых', *on the whole* 'в общем'). Метаязыковой комментарий (суждение, оценка) по отношению к своей или чужой речи или по отношению к коммуникативному поведению кого-то из участников ситуации общения выражается с помощью глаголов речи (*прокомментировать, подчеркнуть; to comment* 'комментировать', *to underline* 'подчеркивать'). Все перечисленные значения объединяет функциональное сходство: они интерпретируют (поясняют) само высказывание или всю ситуацию общения, т. е. носят метаязыковой характер. С другой стороны, все эти значения модальны, так как коррелируют с основным назначением средств лексической модальности: выражают оценку, которую говорящий дает способу словесного представления действительности или избранному им способу вербализации мысли (оценка языковых средств, используемых в высказывании); подчеркивают, что сообщение относится не к самому говорящему, а к другому лицу; представляют обобщенно-абстрактное обозначение ситуации с точки зрения автора сообщения; стремятся привлечь внимание собеседника, убедить, вызвать его заинтересованность, т. е. многие метаязыковые значения выполняют основную модальную функцию – воздействие на адресата. Происходит особое переплетение модальных и метаязыковых значений, соответственно, есть основания объединить эти метаязыковые средства в особый вид модальности – метаязыковую модальность. О важности ее роли свидетельствует тот факт, что все классификации вводных слов содержат группы (разряды) метаязыковых средств (см. [15; 16]).

К средствам обозначения метаязыковой модальности относятся также иллокутивные глаголы, эксплицирующие телеологическую модальность речевых актов, о которых речь пойдет ниже.

3.5. Телеологическая модальность речевых актов и ее отображение в глаголах речи с иллокутивной семантикой. Телеологическая модальность (греч. *telos* – конец, цель, завершение) – это модальность цели, она непосредственно связана с теорией речевых актов, разработанной логиками Дж. Остином и Дж. Сёрлем. Теория речевых актов продемонстрировала важность учета подлежащей распознаванию цели (намерения говорящего) для объяснения прагматики речи. Подход к речевому акту как к способу достижения человеком определенной цели, рассмотрение используемых им языковых средств под этим углом зрения, конвенциональность речевых актов – главные составляющие данной теории. В процессе общения субъект речи не просто строит предложения, а использует их для совершения таких действий, как информирование, просьба, совет, вопрос, приказание, предупреждение. Ядро телеологической модальности составляют иллокутивные глаголы, которые могут эксплицировать разные намерения говорящих: побуждение (*советовать, требовать; recommend* 'рекомендовать', *ask* 'просить'), информирование (*сообщить, информировать; explain* 'объяснить', *tell* 'рассказывать'), выражение эмоций (*благодарить, извиняться; thank* 'благодарить', *wish* 'желать') и др. Таким образом, в рамках телеологической модальности рассматриваются речевые акты, которые различаются по иллокуции, и иллокутивные глаголы как вербальное отображение цели некоторых речевых актов. Речевые акты и иллокутивные глаголы информирования обладают как бы нулевой (нейтральной), немаркированной модальностью (что похоже на значимость изъявительного (немаркированного) наклонения в сопоставлении с маркированными ирреальными наклонениями – императивом и кондиционалом), их прагматическая функция минимальна, в то время как речевые акты, побуждающие к действию и выражающие эмоционально-оценочное отношение, представляют собой максимально модально маркированные высказывания. Подтверждением тому могут быть примеры комментариев пользователей интернета к ток-шоу «Мой герой» с участием актрисы театра и кино М. Куликовой: *У нее все по Чехову: прекрасно лицо, душа, талант, глаза!!!! Обожаю!!!; Светлячок в нашем кинематографе* (восхищение, положительная оценка); *Ведущая просто печаль полная. Плюс еще перебивает ее постоянно! Невозможно ее слушать; Это чисто зарабатывание бабла, для слабо развитого населения фильм, любителям «Дома 2», что там может цеплять...* (возмущение, недовольство); *Терпимее надо к чужому мнению быть; Хватит тут умничать* (побуждение).

Глаголы речи, обозначающие те или иные интенции говорящего, весьма разнообразны. Этот факт свидетельствует о стремлении людей подобрать слово или реплику, максимально точно относящуюся к ситуации общения, о желании дифференцировать свою речь в соответствии с коммуникативной интенцией, которая реализует то или иное коммуникативное намерение.

4. Категории модальной логики как «зонтичные» понятия, способные объединить разноразличные группы языковых модальных значений. Категория модальности сначала была выделена и изучена в логике. Именно логиками разработаны широкие модальные категории и тем самым задана смысловая область модальности. Основные виды модальных суждений в логике и модальные категории в языке в разное время имели различные названия, но всегда отражали похожие ситуации окружающей действительности, фиксировали степень реальности, достоверности и истинности ото-

бражаемого факта. Исследователь П. Портнер справедливо отмечал, что «базовое понимание предмета модальной логики неопределимо для лингвистов, изучающих модальность, потому что некоторые из первых теоретически точных представлений о семантике модальных выражений (высказываний) были разработаны в рамках модальной логики. Классическая модальная логика не является семантической теорией языковой модальности, но основные идеи модальной логики можно адаптировать в целях лингвистического анализа. При рассмотрении новых семантических теорий модальности модальная логика выступает важным эталоном оценки»¹ [23, p. 45–46].

Таким образом, модальная логика выступает как строгая дисциплина, которая представляет лингвистике свою систематизацию модальных значений. Сложилось своеобразное распределение работ. Лингвисты более отчетливо, чем логики, разграничивают разные виды модальности, принимая во внимание и семантику, и форму языкового выражения, а логики углубленно и выверенно представляют семантику инвариантов крупных модальных категорий и их логическую синтагматику. Логико-лингвистический подход в изучении категории модальности помогает справиться с основной и наиболее трудной задачей при изучении категории модальности – систематизировать (обобщить) разнообразные классификации модальных значений. Таким образом, представляется возможным объединить лингвистическое и логическое понимание модальности, но с одним различием: для лингвистов важен состав языковых средств, выражающих модальные значения. При таком подходе логическая и языковая модальность обогащают и дополняют друг друга.

Библиографические ссылки

1. Мечковская НБ. Модальность в словенском языке. В: Jachnow H, Mečkovskaja N, Norman B, Suprun A. *Modalität und Modus: Allgemeine Fragen und Realisierung im Slavischen* = Модальность и наклонение: общие вопросы и реализация в славянских языках. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 1994. с. 194–219.
2. Кузнецов СА, редактор. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт; 2000. 1536 с.
3. Ирмшер Й, Йоне Р, составители. *Словарь античности*. Кузищин ВИ, редактор. Москва: Эллис Лак; 1993. 704 с. Совместное издание с «Прогресс».
4. Фрейденберг ОМ, редактор. *Античные теории языка и стиля*. Ленинград, Москва: Соцэкгиз; 1936. 341 с.
5. Мечковская НБ. *Философия языка и коммуникации*. Москва: Флинта; 2017. 520 с. Совместное издание с «Наука».
6. Дворецкий ИХ. *Латинско-русский словарь*. 4-е издание, стереотипное. Москва: Русский язык; 1996. 490 с.
7. Аристотель. *Аналитики первая и вторая*. Ленинград: Госполитиздат; 1952. 439 с.
8. Кондаков НИ. *Логический словарь-справочник*. Москва: Наука; 1975. 720 с.
9. Ивин АА, редактор. *Философия: энциклопедический словарь*. Москва: Гардарики; 2004. 1072 с.
10. Ивин АА, Никифоров АЛ. *Словарь по логике*. Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС; 1998. 384 с.
11. Балли Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. 2-е издание, стереотипное. Москва: Эдиториал УРСС; 2001. 416 с.
12. Филлмор Ч. Дело о падеже. В: Звегинцев ВА, редактор. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск X. Лингвистическая семантика*. Москва: Прогресс; 1981. с. 369–495.
13. Мещанинов ИИ. Понятийные категории в языке. *Труды Военного института исследования языка*. 1945;1:5–15.
14. Булыгина ТВ, Крылов СА. Понятийные категории. В: Ярцева ВН, редактор. *Лингвистический энциклопедический словарь*. 2-е издание, дополненное. Москва: Большая российская энциклопедия; 2002. с. 385–386.
15. Виноградов ВВ. *Русский язык: грамматическое учение о слове*. Золотова ГА, редактор. 4-е издание. Москва: Русский язык; 2001. 720 с.
16. Шведова НЮ, редактор. *Русская грамматика. Том 2. Синтаксис*. Москва: Наука; 1980. 709 с.
17. Бондарко АВ. Модальность. Вступительные замечания. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе. В: Бондаренко АВ, редактор. *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Ленинград: Наука; 1990. с. 59–72.
18. Панфилов ВЗ. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения. *Вопросы языкознания*. 1977;4:47–48.
19. Ляпон МВ. К вопросу о языковой специфике модальности. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 1971;3:230–239.
20. Шапиро АБ. Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 1958;4:20–26.
21. Плотников БА. Языковая модальность и ее категоризация. В: Jachnow H, Mečkovskaja N, Norman B, Suprun A. *Modalität und Modus: Allgemeine Fragen und Realisierung im Slavischen* = Модальность и наклонение: общие вопросы и реализация в славянских языках. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 1994. с. 25–35.
22. Зеленщиков АВ. *Пропозиция и модальность*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 1997. 242 с.
23. Portner Paul. *Modality*. Oxford: Oxford University Press; 2009. 288 p.
24. Abraham W, Leiss E. Introduction. In: Abraham W, Leiss E. *Covert Patterns of Modality*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing; 2012. p. 1–24.
25. Fintel von K. Modality and Language. In: Borchers MD, editor. *Encyclopedia of Philosophy*. 2nd edition. New York: Thomson Gale; 2006. p. 20–27.

¹Перевод наш – В. К.

26. Hacquard V. *Aspects of Modality*. Los Angeles: University of California; 2000. 214 p.
27. Deutschbein M. *System der neuenglischen Syntax*. Leipzig: Quelle & Meyer; 1928. 328 S.
28. Palmer FR. *Grammar*. Middlesex: Penguin Books; 1978. 200 p.
29. Смирницкий АИ. *Морфология английского языка*. Пасек ВВ, редактор. Москва: Издательство литературы на иностранных языках; 1959. 440 с.
30. Бархударов ЛС. *Очерки по морфологии современного английского языка*. 2-е издание, дополненное. Москва: URSS; 2009. 155 с. Совместное издание с «Либроком».
31. Сусов ИП. *Лингвистическая прагматика*. Москва: Восток – Запад; 2006. 200 с.
32. Ивин АА. *Логика*. Москва: Фаир-пресс; 2000. 320 с.
33. Костюк ВН. Эпистемическая логика. В: Стёпин ВС, редактор. *Новая философская энциклопедия. Том 4*. Москва: Мысль; 2010. с. 450–451.
34. Апресян ЮД. Основные ментальные предикаты состояния в русском языке. В: Левкиевская ЕЕ, редактор. *Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой*. Москва: ИНДРИК; 1999. с. 44–53.
35. Падучева ЕВ. Вводные глаголы: речевой и нарративный режим интерпретации. В: Молдован АМ, редактор. *Вереница литер: к 60-летию В. М. Живова*. Москва: Языки славянской культуры; 2006. с. 498–514.
36. Дмитриевская МА. Знание и достоверность. В: Арутюнова НД, редактор. *Прагматика и проблемы интенциональности*. Москва: Наука; 1988. с. 166–187.
37. Максимов ЛВ. Оценка. В: Стёпин ВС, Гусейнов АА, Семигин ГЮ, редакторы. *Новая философская энциклопедия. Том 3*. Москва: Мысль; 2010. с. 183–184.
38. Якобсон РО. Лингвистика и поэтика. В: Басин ЕЯ, Полякова МЯ, редакторы. *Структурализм: «за» и «против»* [сборник статей]. Москва: Прогресс; 1975. с. 193–230.

References

1. Mechkovskaya NB. [Modality in Slovenian language]. In: Jachnow H, Mečkovskaya N, Norman B, Suprun A. *Modalität und Modus: Allgemeine Fragen und Realisierung im Slavischen* [Modality and mood: general questions and realization in Slavic languages]. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 1994. p. 194–219. Russian.
2. Kuznetsov SA. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [A large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: Norint; 2000. 1536 p.
3. Irmsher J, Johan R, compilers. *Slovar' antichnosti* [The dictionary of antiquity]. Kuzishchin VI, editor. Moscow: Ellis Lak; 1993. 704 p. Co-published by the «Progress». Russian.
4. Freidenberg OM, editor. *Antichnye teorii yazyka i stilya* [Antique theories of language and style]. Moscow: Sotsekgiz; 1936. 341 p. Russian.
5. Mechkovskaya NB. *Filosofiya yazyka i kommunikatsii* [Philosophy of language and communication]. Moscow: Flinta; 2017. 520 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
6. Dvoretiskij IKh. *Latinsko-russkii slovar'* [Latin-Russian dictionary]. 4th edition, stereotyped. Moscow: Russkii yazyk; 1996. 490 p. Russian.
7. Aristotle. *Analitiki pervaya i vtoraya* [Analitiki the first and the second]. Leningrad: Gospolitizdat; 1952. 439 p. Russian.
8. Kondakov NI. *Logicheskii slovar' -spravochnik* [The logical dictionary – reference book]. Moscow: Nauka; 1975. 720 p. Russian.
9. Ivin AA, editor. *Filosofiya: Entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophy: encyclopedic dictionary]. Moscow: Gardariki; 2004. 1072 p. Russian.
10. Ivin AA, Nikiforov AL. *Slovar' po logike* [Dictionary of logic]. Moscow: Humanitarian Publishing Center VLADOS; 1998. 384 p. Russian.
11. Bally Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. 2nd edition, stereotyped. Moscow: Editorial URSS; 2001. 416 p. Russian.
12. Fillmore C. [The matter of the case]. In: Zvegintsev VA, editor. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk X. Lingvisticheskaya semantika* [New in foreign linguistics. Issue X. Linguistic semantics]. Moscow: Progress; 1981. p. 369–495. Russian.
13. Meshchaninov II. [Conceptual categories in language]. *Trudy Voennoogo instituta issledovaniya yazyka* [Works of the Military Institute of Foreign Languages]. 1945;1:5–15. Russian.
14. Bulygina TV, Krylov SA. [Conceptual categories]. In: Yartseva VN, editor. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. 2nd edition, supplemented. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya; 2002. p. 385–386. Russian.
15. Vinogradov VV. *Russkii yazyk: grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language (grammatical studies of the word)]. Zolotova GA, editor. 4th edition. Moscow: Russkii yazyk; 2001. 720 p. Russian.
16. Shvedova NY, editor. *Russkaya grammatika. Tom 2. Sintaksis* [Russian grammar. Volume 2. Syntax]. Moscow: Nauka; 1980. 709 p. Russian.
17. Bondarko AV. [Modality. Introductory remarks. The main types of modal meanings distinguished in the linguistic literature]. In: Bondarko AV, editor. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka; 1990. p. 59–72. Russian.
18. Panfilov VZ. [Category of the modality and its role in the constitution of the sentence structure and judgments]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language]. 1977;4:47–48. Russian.
19. Lyapon MV. [On the language specificity of modality]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* [News of the Academy of Sciences, USSR. Series of literature and language]. 1971;3:230–239. Russian.
20. Shapiro AB. [Modality and predicativity as signs of a sentence in modern Russian]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Philological sciences. Scientific reports of the high school]. 1958;4:20–26. Russian.
21. Plotnikov BA. [Language modality and its categorization]. In: Jachnow H, Mechkovskaya N, Norman B, Suprun A. *Modalität und Modus: Allgemeine Fragen und Realisierung im Slavischen* [Modality and mood: general questions and realization in Slavic languages]. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 1994. p. 25–35. Russian.

22. Zelenshchikov AV. *Propozitsiya i modal'nost'* [Proposition and modality]. Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg University; 1997. 242 p. Russian.
23. Portner P. *Modality*. Oxford: Oxford University Press; 2009. 288 p.
24. Abraham W, Leiss E. Introduction. In: Abraham W, Leiss E. *Covert Patterns of Modality*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing; 2012. p. 1–24.
25. Fintel von K. Modality and Language. In: Borchers MD, editor. *Encyclopedia of Philosophy*. 2nd edition. New York: Thomson Gale; 2006. p. 20–27.
26. Hacquard V. *Aspects of Modality*. Los Angeles: University of California; 2000. 214 p.
27. Deutschbein M. *System der neuenglischen Syntax*. Leipzig: Quelle & Meyer; 1928. 328 S. German.
28. Palmer FR. *Grammar*. Middlesex: Penguin Books; 1978. 200 p.
29. Smirnitsky AI. *Morfologiya angliiskogo yazyka* [Morphology of the English language]. Passek VV, editor. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh; 1959. 440 p. Russian.
30. Barkhudarov LS. *Ocherki po morfologii sovremennogo angliiskogo yazyka* [Essays on the morphology of modern English]. 2nd edition, supplemented. Moscow: URSS; 2009. 155 p. Co-published by «Librocom». Russian.
31. Susov IP. *Lingvisticheskaya pragmatika* [Linguistic pragmatics]. Moscow: Vostok – Zapad; 2006. 200 p. Russian.
32. Ivin AA. *Logika* [Logic]. Moscow: Fair Press; 2000. 320 p. Russian.
33. Kostyuk VN. [Epistemic logic]. In: Styopin VS, editor. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. Tom 4* [New philosophical encyclopedia. Volume 4]. Moscow: Mysl'; 2010. p. 450–451.
34. Apresyan YD. [Basic mental predicates of the state in Russian language]. In: Levkievskaya EE, editor. *Slavyanskije etyudy. Sbornik k yubileyu S. M. Tolstoi* [Slavic etudes: collection for the jubilee of S. M. Tolstaya]. Moscow: INDRIC; 1999. p. 44–53. Russian.
35. Paducheva EV. [Introductory verbs: verbal and narrative mode of interpretation]. In: Moldovan AM, editor. *Verenitsa liter: k 60-letiyu V. M. Zhivova* [Verenitsa liter: to the 60th anniversary of V. M. Zhivov]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2006. p. 498–514. Russian.
36. Dmitrovskaya MA. [Knowledge and authenticity]. In: Arutynova ND, editor. *Pragmatika i problemy intensional'nosti* [Pragmatics and intensionality problems]. Moscow: Nauka; 1988. p. 166–187. Russian.
37. Maksimov LV. [Evaluation]. In: Stepin VS, Guseinov AA, Semigin GY, editors. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. Tom 3* [New philosophical encyclopedia. Volume 3]. Moscow: Mysl'; 2010. p. 183–184.
38. Jakobson RO. [Linguistics and poetics]. In: Basin EY, Polyakova MY, editors. *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism «for» and «against»] [collection of articles]. Moscow: Progress; 1975. p. 193–230. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.06.2018.
Received by editorial board 08.06.2018.